

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ ПРОТЕСТНОГО ДВИЖЕНИЯ ШАХТЁРОВ РОССИИ В 1992–1999 гг.

Рассматриваются основные направления нейтрализации протестного движения шахтёров России в 1992–1999 гг.: политическое противодействие и социально-экономическая деятельность. Проводится сравнительный анализ с забастовочным движением 1989–1991 гг. В контексте выделенных этапов выявляются роли основных участников данного процесса. Делается вывод о важности компромиссно-консенсусного подхода в прекращении шахтёрской борьбы.

Ключевые слова: Россия; шахтёры; протесты; нейтрализация.

В отечественной историографии обращается внимание на то, что активность протестного движения рабочего класса в России 1990-х гг. была значительно ниже, чем в других странах [1. С. 185]. Однако она была заметно выше и разнообразнее, чем в «перестроечный» период, и происходила в сложное для российской государственности время. Как и прежде, в авангарде рабочего движения были шахтёры. Их нейтрализация являлась важнейшей задачей укрепления экономической и общественно-политической стабильности. Поэтому на протяжении рассматриваемого времени органы власти и управления использовали для этого все имевшиеся возможности, в том числе и силу. Анализ источников и литературы показал, что основными направлениями нейтрализации шахтёрского недовольства являлись политическое противодействие и социально-экономическая деятельность. Данный процесс необходимо рассматривать поэтапно, во взаимосвязи с динамикой борьбы.

На первом этапе (1992–1997 гг.) наблюдался рост протестного движения шахтёров. В его начале протестная активность шахтёров не вызывала серьёзного внимания со стороны их основных контрагентов – руководителей предприятий, а также представителей исполнительной власти всех уровней. Программа «шоковой терапии» предусматривала развитие негативных процессов в экономике и социальной сфере не только угледобывающих регионов, но и всей страны. Особого сожаления со стороны власти и общества горняки не вызывали и потому, что изначально оказались далеко не в самом худшем положении в сравнении с представителями других социально-профессиональных групп. Между тем рост их протестной активности вынуждал администрации предприятий и органы власти активнее реагировать на её причины и факторы.

Главным направлением нейтрализации протестного движения шахтёров стало политическое противодействие, в основе которого были: популизм, политический диалог, дезорганизация, морально-психологическое давление и сила. Новая власть и органы управления изначально были в более выгодных условиях в сравнении с «перестроечным» периодом. В высших эшелонах власти оказались вчерашние лидеры шахтёрского движения. Их объективным преимуществом в сравнении с политической элитой конца 1980-х гг. являлось то, что они «изнутри» знали сильные и слабые стороны в жизни и деятельности рабо-

чих угольной промышленности. Это помогало Б. Ельцину и его команде не только успешно лавировать, но и по необходимости проявлять жёсткость. Во многом это объясняет незначительную уступчивость федеральных органов власти использованием с их стороны множества косвенных методов нейтрализации шахтёрской борьбы.

Высокий уровень доверия президенту Б. Ельцину определил преобладание в начале 1990-х гг. популистских мер воздействия на шахтёрскую борьбу со стороны представителей всех уровней власти. В этом им помогали либерально ориентированные рабочкомы и Независимый профсоюз горняков России (НПГР). Оправдания и обещания стали главными инструментами нейтрализации протестной активности и со стороны руководства предприятий и отрасли, которых поддерживал другой отраслевой профсоюз – Росуглепроф. Таким образом, с первых дней перехода к рынку в сфере угольной политики сформировались два противоборствующих лагеря, каждый из которых много обещал, а все неудачи списывал на «идейных противников».

Программа «шоковой терапии» ориентировала всех на трудности и время, что соответствовало парадигме постсоветской трансформации. Соответственно, в умах шахтёров закладывалась идея о необходимости «подождать» и «потерпеть» ради «светлого будущего». Москва щедро раздавала обещания, уговаривала, а временами даже заигрывала с рабочими, что позволяло затягивать время в выполнении своих обязательств. В течение первого этапа углепромышленные регионы неоднократно посещали высокопоставленные чиновники, большинство из которых были ответственны за топливно-энергетический комплекс страны, и успешно «убаюкивали» озлобленных шахтёров очередными обещаниями.

Выступления шахтёров считались неизбежными, поэтому реакция власти на них была слабой. Дефицит госбюджета не позволял Правительству РФ полностью выполнять свои обязательства перед трудящимися. Однако это не мешало органам власти делать открытые заявления о скором улучшении ситуации в угольной отрасли. Президент и Кабинет министров умело поддерживали атмосферу политико-экономического единства реформаторов и горняков, сформированную в последние годы советской власти.

В унисон Б. Ельцину действовали и региональные лидеры, которые обещали «навести порядок» в отрас-

ли, наказать виновных в коррупции, «найти» деньги и т.п. Популярность органам власти добавляли отдельные факты успешной социально-экономической деятельности и укрепления правопорядка. Любой успех широко рекламировался в шахтёрской среде и становился примером для общего подражания. В этом заметную роль играли подконтрольные органам власти СМИ. Газеты и телевидение отмечали появление широких возможностей угледобытчиков, но при этом часто умалчивались проблемы, мешавшие их реализации. Таким образом, создавалась иллюзия неиспользованных экономических возможностей работниками угольной промышленности.

В ходе предвыборной кампании Б. Ельцина Кремль сконцентрировал свои усилия на раздаче шахтёрам новых обещаний. Они затрагивали самые наблевшие темы и преподносились весьма солидно, как правило, в виде Указов президента РФ и других нормативно-правовых актов. Многие рабочие угольной промышленности вновь поверили Б. Ельцину и снизили давление на Правительство РФ. Летом 1996 г. иллюзия политического диалога между властью и шахтёрами достигла своей кульминации.

В реальности политический диалог не являлся приоритетным направлением в противодействии шахтёрскому движению, хотя власть понимала значимость данного инструмента разрешения социально-трудовых конфликтов и отчасти его использовала. Важнейшей особенностью его ведения стало то, что он в основном вёлся не напрямую с шахтёрами, а через их представительные органы – Советы рабочих комитетов и отраслевые профсоюзы. Высокая степень доверия им со стороны горняков на первом этапе позволяла не только власти, но и администрациям предприятий находить компромиссы, успешно договариваться, откладывая проведение намечаемой акции протеста на более поздний срок. Таким образом, снижалась степень политического недовольства, создавалась иллюзия непричастности Кремля к проблемам угольной промышленности.

Вместе с тем угроза политического хаоса в регионах заставляла Кремль прислушиваться к мнению угледобытчиков. Примером положительной реакции власти на шахтёрское недовольство может служить, хоть и фрагментарная, но всё-таки борьба с нецелевым использованием средств государственной поддержки [2. Л. 32]. На этом фоне требования горняков теряли радикальный и масштабный характер.

Вину за кризис в угольной промышленности Президент всё чаще возлагал на региональную власть. Решиться на смену руководителей шахтёрских территорий было непросто, так как Б. Ельцин сам их назначил и они всегда показывали политическую преданность. Однако в 1997 г. Президент готов был на подобные «жертвы» ради общественно-политической стабильности. Такая позиция встречала понимание среди горняков, которые сами неоднократно выступали с требованием отстранения отдельных руководителей регионов, а также городов и посёлков. Ротация кадров была выгодна профсоюзам и партиям, так как позволяла выдвигать собственных людей в органы власти и управления.

Наиболее заметным событием стала смена руководства администрации Кемеровской области. Символично, что это случилось незадолго до региональной стачки, проведение которой планировалось на 11 июля 1997 г. Её разрастание могло достичь всероссийского масштаба. Б. Ельцину пришлось сменить главу областной администрации М. Кислюка на известного и популярного в крае политика – А. Тулеева. Таким образом, власть дала горнякам ведущего углепромышленного бассейна сигнал о желании выстраивать взаимовыгодный диалог.

Подавляющая часть общественно-политических организаций Кемеровской области, в первую очередь КПРФ и профсоюзы, положительно отреагировали на смену власти. Они были уверены в том, что А. Тулеев сможет пригасить страсти в мятежном крае, развернуть конструктивную деятельность по решению социально-экономических проблем трудящихся. Надежды кузбассовцев в целом оправдались. Несмотря на сложные отношения между Б. Ельциным и А. Тулеевым на протяжении всего времени, новый губернатор умел проявлять политическую гибкость и вместе с Кремлём решать общие задачи по выводу угольной промышленности из кризисного состояния.

Политический диалог сыграл определённую роль в сдерживании протестного натиска шахтёров. С каждым годом его значение только возрастало. Между тем в течение первого этапа на фоне ухудшения социально-экономического положения углепромышленных регионов его косвенный и ограниченный характер не позволял решить ключевые проблемы шахтёрских городов и посёлков.

Слабым местом политического диалога являлось отсутствие на местах необходимых средств и полномочий для решения конкретных вопросов угольщиков. Поэтому органы власти и управления часто избегали прямых контактов с рабочими. Им приходилось ориентироваться на новые и эффективные методы противостояния в шахтёрской борьбе. На первом этапе одним из наиболее результативных способов стала дезорганизация протестного движения, которая позволяла нанести превентивный удар по солидарности как внутри шахтёрского сообщества, так и по его взаимоотношениям с товарищами из других отраслей экономики и работниками бюджетных организаций.

Используя широкий спектр инструментов, федеральная власть сумела быстро и легко внести раскол в ряды рабочего класса, посеяв недоверие, а в некоторых случаях и вражду. Сначала солидарность снизилась между угольщиками и работниками других отраслей экономики, затем на уровне смежников, регионов, предприятий, а потом и внутри шахтёрских предприятий [3. С. 189]. Насаждалась идея несовместимости радикальных методов борьбы с той властью, которую рабочие не так давно активно поддерживали. Все, кто воспринимал это негативно, в глазах не только власти, но и либерально настроенной общественности становились «реваншистами». Поэтому многие экономические претензии рабочих в ходе акций протеста выглядели не убедительно и имели конкретно-ориентированный, местный характер. В итоге созда-

вася иллюзия отсутствия системных ошибок. Шахтёры оказывались в замешательстве, что, несомненно, снижало эффективность их борьбы.

В начале рыночных преобразований сложнее отводить от себя шахтёрскую агрессию удавалось директорскому корпусу. В ходе непосредственных встреч с горняками администрации предприятий «продавливали» идею о том, что протестные действия ухудшают собственную конкурентоспособность. Все проблемы они связывали с неумелой топливно-энергетической политикой Правительства РФ. По мере сокращения помощи из центра, а также ослабления шахтёрской солидарности доводы руководства становились всё убедительнее, и рабочие действительно прислушивались к ним.

В тех случаях, когда всё-таки удавалось организовать массовые акции протеста, органы власти и управления находили всевозможные «хитроумные» способы дезорганизации и ослабления шахтёрского натиска. Например, довольно часто использовались финансовые манипуляции, позволявшие провоцировать стихийное прекращение забастовок на отдельных шахтах. Тем самым создавались условия для возникновения цепной реакции прекращения стачки по всему региону, а в некоторых случаях и во всероссийском масштабе [4. С. 71]. Наиболее распространённым и вполне эффективным способом противодействия стала переориентация вектора рабочего недовольства на других субъектов политической и хозяйственной деятельности. Подчёркивая свою «солидарность» и переводя агрессию друг на друга, они, по сути, ставили шахтёров в тупиковое положение. Совместными усилиями «находились» деньги, но, как правило, они направлялись инициаторам акции протеста. Это вызывало распри, а в конечном итоге било по горняцкой солидарности и снижало протестную активность.

В результате с середины 1990-х гг. вектор политического недовольства шахтёров главным образом был направлен в сторону региональной и федеральной власти. Однако бороться с ними в силу дополнительных трудностей (географических, материальных и т.д.) было намного сложнее.

В моменты острых кризисных ситуаций органы власти и управления показывали способность к консолидации усилий, так как протесты создавали проблемы для всех, в том числе для жителей шахтёрских городов и посёлков. Ключевую роль в этом играли Правительство РФ и госкомпания «Росуголь». Их противоборство выглядело ярко, но в действительности оно было условным. Они успешно использовали тактику провоцирования микровзрывов с дальнейшим их погашением. Это приводило к изматыванию сил горняков и их профсоюзов и превращало подготовку и проведение акции протеста во всё более сложное дело [3. С. 194–195].

Несмотря на отдельные вспышки коллективных действий, шахтёрская борьба на первом этапе так и не приобрела пугающего власть характера. Наоборот, потеря классовой солидарности показала возможность использования при необходимости морально-

психологического давления и силы. Морально-психологическое давление выглядело более предпочтительным, что и определило его широкое использование. Оно осуществлялось на всех уровнях органов власти и управления и представляло собой целый комплекс взаимосвязанных направлений – информационный прессинг, шантаж, унижения и т.п. Меры нейтрализации протестной активности использовались как на уровне всего шахтёрского сообщества, так и его лидеров. Всё чаще в шахтёрской среде насаждались всевозможные мифы, способствовавшие созданию атмосферы восприятия трудностей трансформационного периода как закономерной реальности. Таким, например, был широко распространённый миф о «комплексе неполноценности» шахт.

После двух лет рыночных преобразований органы власти и управления усилили давление на протестное движение рабочих угольной промышленности. Оно стало ориентироваться на комплексность и системность. На местах ждали сигнала сверху к более решительным действиям и вскоре его получили. Впервые угроза преследования организаторов незаконных забастовок (в то время все они фактически являлись таковыми) прозвучала из уст российского президента в конце 1993 г. Показательным для всех примером было возбуждение в конце 1994 г. уголовного дела против шахтёров г. Анжеро-Судженска по факту перекрытия Транссибирской магистрали [3. С. 246–247]. В то время общественное мнение до такой степени было на стороне рабочих, что органы власти вскоре прекратили уголовное преследование их лидеров, но обществу был дан знак о готовности к использованию таких мер. В течение трёх лет шахтёры не использовали «рельсовую войну» как форму протеста.

Первым случаем, когда органы власти и управления использовали силу, стали события на шахте «Центральная» в г. Прокопьевске. Здесь в апреле 1997 г. «бастовавших» под землёй рабочих (в основном женщин) силой подняли на поверхность [5. С. 124–126]. Данный случай не получил должного резонанса и придал органам власти и управления дополнительную смелость в использовании силы. Почти сразу же представители правоохранительных органов жёстко пресекли попытку Объединённого городского рабочего комитета г. Анжеро-Судженска вывести трудящихся на рельсы [Там же. С. 121].

В целом ключевые контрагенты шахтёров сумели локализовать их политическое недовольство и не допустить драматического сценария развития протестного движения.

Только реальные, позитивные изменения в жизни шахтёров могли остановить рост недовольства. Поэтому одним из направлений противодействия протестному движению являлась экономическая и социальная деятельность. Её значение возрастало по мере ухудшения ситуации в угольной промышленности и снижения успехов органов власти и управления в популизме. Однако в рассматриваемое время шахтёрская борьба ослаблялась в том числе и объективными экономическими и социальными факторами. Впервые, в начале 1990-х гг. решать жизненно важные

вопросы шахтёрских городов и посёлков было легче благодаря потенциалу, накопленному в советское время. Во-вторых, новые рыночные условия внесли серьёзные коррективы в экономическую политику хозяйствующих субъектов и социально-профессиональную мобильность рабочих.

Последнее явилось особо значимым в контексте рассматриваемой проблемы. Изменение модели хозяйственной системы в сторону рыночных отношений способствовало формированию экономической политики, ориентированной не на интересы каких-либо социально-профессиональных групп, а на рентабельность и конкурентоспособность предприятий. Российская экономика в рассматриваемое время стала составной частью всемирного хозяйства со всеми вытекающими отсюда положительными и отрицательными последствиями. Конъюнктура мирового рынка в те годы оказалась более пригодна для нефтегазового сектора, чего не скажешь об угольной промышленности России. Более динамичное развитие нефте- и газодобывающих компаний предопределило падение важности угледобывающей отрасли и, соответственно, снижение возможностей экономического давления шахтёров на власть.

Потеря прежнего места и роли угольной промышленности в индустриальном секторе страны привело к росту негатива и в социальной динамике шахтёрского сообщества. Многие рабочие стали покидать шахты и разрезы и переходить на материально выгодные производства, а также заниматься предпринимательской деятельностью. Это позволило государству снизить финансовую нагрузку, а также увеличить возможности поддержания социальной сферы шахтёрских городов и посёлков. Рабочие угольной промышленности несли не только количественные, но и качественные потери, снижались их место и роль в социально-профессиональной структуре трудящихся России.

Вместе с тем объективные социально-экономические причины и факторы не решали всего комплекса задач по нейтрализации шахтёрской борьбы. Миллионы жителей углепромышленных городов и посёлков нуждались в быстром и эффективном решении жизненно важных проблем. Стабильное развитие угольной отрасли напрямую зависело от действий Правительства РФ, руководства предприятий, а также органов местной и региональной власти. Это явилось объективной основой наращивания их совместной деятельности по выходу из кризиса.

Социально-экономическая деятельность как инструмент противодействия шахтёрским протестам реализовывалась по трём ключевым направлениям. Их связующим звеном являлось повышение эффективности угледобывающих предприятий и компаний. Центральным из них было создание условий для этого на макроэкономическом уровне. Вторым направлением был поиск администрациями предприятий и компаний внутренних резервов. Третьим – разносторонняя помощь региональных и местных органов власти.

Высокая степень централизации угольной промышленности определила ведущую роль Правительства РФ в создании условий повышения её конкурен-

тоспособности на макроэкономическом уровне. Рост дефицита госбюджета обусловил скорое предоставление предприятиям угольной промышленности широкой хозяйственной самостоятельности, в том числе и во внешнеэкономической деятельности. Рабочие, как члены акционерных обществ, получили возможность участия в производственно-экономической деятельности шахт и разрезов, на чём они так упорно настаивали во время перестройки. Их предприятия имели возможность доступа к современной технике и технологиям, что позволяло повысить их уровень конкурентоспособности. Таким образом, государство сняло с себя ответственность за результаты производственной деятельности шахт и разрезов, частично и за решение социальных вопросов рабочих.

В условиях политической и хозяйственной нестабильности широкие экономические свободы оказались неэффективны. Ослабление «контроля сверху» усилило влияние субъективного фактора в деятельности предприятий, поэтому только некоторые из них сумели воспользоваться новыми преимуществами. По мере обострения ситуации в угольной промышленности всё очевиднее становился системный характер её проблем. В памяти руководителей страны были свежи крупномасштабные забастовки 1989 г., поэтому им приходилось корректировать стратегию экономического развития государства. Правительству срочно требовалось решить две основные задачи по выводу угольной промышленности из кризиса: провести системные и кардинальные реформы в отрасли, а также обеспечить высвобожденных горняков другой трудовой деятельностью.

Поскольку процесс реального реформирования шахтёрской отрасли затягивался, в 1993 г. был создан орган для оперативного решения её острых вопросов – Межведомственная комиссия по социально-экономическим проблемам угледобывающих регионов (МВК). Она имела широкие полномочия, её решения были обязательны для всех министерств, ведомств и субъектов Федерации. Несмотря на определённый эффект в деятельности МВК, данный орган не имел чёткой программы действий. Вполне оправданным в данной ситуации стал принятый в 1994 г. план реструктуризации угольной промышленности. Главной целью реструктуризации объявлялся переход на уровень рентабельной угледобычи, а ключевым инструментом её достижения – приватизация шахт и разрезов.

В силу многих причин, прежде всего отсутствия необходимой институциональной базы и средств, процесс реструктуризации имел весьма болезненное содержание. Большинство промахов и ошибок пришлось устранять администрациям предприятий посредством поиска внутренних резервов. Директорский корпус являлся наиболее близким контрагентом рабочих угольной промышленности, поэтому первые экономические требования ориентировались на него. Там, где руководство справлялось с поставленными задачами, горняки не чувствовали серьёзных потрясений. Наиболее успешно складывалась производственная деятельность на тех предприятиях, где инженер-

но-технический персонал быстрее осваивал рыночную грамотность и активно выходил на международный уровень сотрудничества, администрация требовательно относилась к дисциплине и порядку, а в случае нарастания кризисных ситуаций не боялась прямых контактов с рабочими.

Сохранять социальную стабильность им помогала, прежде всего, местная власть, которая была в этом заинтересована не меньше, чем руководство предприятий. Рост протестной активности не только горняков, но и других трудящихся шахтёрских городов и посёлков вынуждал органы региональной и местной власти оказывать разностороннюю помощь предприятиям угольной промышленности. Наиболее важным в их деятельности можно считать не прекращавшуюся борьбу с попытками быстрого и необоснованного закрытия шахт. Со стороны региональной и местной власти предпринимались конкретные меры поддержания дееспособности шахтёрских предприятий: предоставлялись отсрочки и рассрочки по уплате налогов, составлялись графики поэтапного погашения недоимок, проводилась реструктуризация задолженности в бюджеты на долгосрочный период и т.д. Благодаря их помощи решались вопросы погашения задолженности, изыскивались новые возможности социальной защиты рабочих семей, создавались условия по развитию предпринимательства и т.д.

В середине 1990-х гг. социальная инфраструктура предприятий полностью перешла в ведение муниципальных властей. Созданная в то время Ассоциация шахтёрских городов способствовала реализации важных социальных программ на муниципальном уровне, содействовала обеспечению социальных гарантий горнякам и членам их семей, участвовала в законотворческой деятельности по решению проблем и защите интересов шахтёрских городов и посёлков на уровне правительства и парламента РФ с целью принятия соответствующих документов. Учёт интересов всех слоёв населения позволял гасить пламя протеста не только шахтёров, но и работников бюджетной сферы.

Таким образом, ряд объективных и субъективных факторов в экономической и социальной сферах способствовал некоторому «купированию» шахтёрских проблем. Однако это были тактические успехи. Так и не появились общие подходы в решении наиболее важных вопросов угольщиков. На это указывает продолжавшийся рост задолженности по заработной плате, который был катализатором почти всех акций протеста горняков.

В целом меры, направленные на преодоление шахтёрских протестов, в 1992–1997 гг. отличались высоким уровнем конфликтности. Приоритетными являлись политические меры противодействия. Отдельные причины и факторы протестного движения довольно успешно гасились экономической и социальной политикой. Всё-таки эффективный механизм решения шахтёрских проблем в конце первого этапа так и не был создан.

Второй этап (январь–июль 1998 г.) явился пиком протестного движения шахтёров России. Решать социально-экономические проблемы углепромышлен-

ных территорий и, соответственно, противостоять протестному движению трудящихся стало ещё сложнее. В условиях разразившегося мирового финансово-экономического кризиса администрации шахт и разрезов оказались в ещё более худшем положении. Эффективно поддержать угледобытчиков местная и региональная власти не могли, так как не обладали широкими экономическими полномочиями. Поэтому всё внимание шахтёров было приковано к президенту и Правительству РФ, что отразилось в их требованиях, формах и методах реализации поставленных задач. Постепенно и Кремль стал осознавать всю полноту ответственности за кризис в народном хозяйстве страны, необходимость кардинальных перемен в топливно-энергетической политике и важность социальной составляющей процесса реструктуризации угольной промышленности. В течение второго этапа федеральная власть укрепила свои позиции в системе противодействия шахтёрским протестам. Остальные участники разрешения социально-трудовых конфликтов в большей мере дополняли действия Кремля, акцентируя внимание на собственных интересах.

Усиление на втором этапе политических требований шахтёров укрепило роль отраслевых профсоюзов и парламентских партий в решении важнейших вопросов угледобывающих территорий. Их действия не являлись нацеленными на радикальные политические изменения в стране, а подконтрольность протестного движения была выгодна, так как укрепляла посреднические позиции. Отраслевые профсоюзы и парламентские партии, как правило, поддерживали акции протеста шахтёров до тех пор, пока они являлись популярными. Но когда противостояние угрожало жизнедеятельности предприятий и городов, они меняли свою позицию, призывали рабочих к политическому диалогу, а правительство – к конкретным мерам по поддержке угольной отрасли. Поэтому президенту и правительству удавалось достигать с ними общей позиции по ключевым вопросам развития угольной промышленности, а также изолировать радикально настроенных рабочих и политическую оппозицию.

В течение второго этапа значение политического противодействия протестному движению возрастало, так как ни средств для решения социально-экономических вопросов горняков, ни авторитета за это время власть и хозяйствующие субъекты не прибавили. На этом фоне произошли качественные изменения в содержании данного направления нейтрализации шахтёрской борьбы: усилилась борьба с экономическими преступлениями, власть чаще стала использовать дезорганизацию протестного движения, морально-психологическое и силовое давление. Между тем в самые драматичные моменты противостояния политический диалог и популизм оказывались самыми эффективными средствами.

Политический диалог был представлен широко и касался не только формата отношений между органами власти и управления, с одной стороны, и шахтёрами – с другой. Большое значение имело налаживание диалога между ключевыми участниками политического процесса. Существенную политическую гибкость проявил

Кремль, что стало примером и для других контрагентов протестующих горняков. Однако до всероссийских «рельсовых войн» в мае 1998 г. политический диалог между членами Правительства РФ и представителями рабочих угольной промышленности не носил системного и результативного характера. Предоставляя деньги из бюджета, правительство считало выполненным свой долг перед угледобытчиками. О том, в каких объёмах эти средства доходили на конкретные нужды, оно не очень беспокоилось. Кремль в основном ограничивался отдельными заявлениями, суть которых состояла в неприемлемости давления угольщиков на него. Поэтому первоочередной удар приходилось держать органам власти и управления угледобывающих территорий, так как в числе прочих последствий акций протеста являлись социально-экономические потери не только предприятий, но и шахтёрских городов и посёлков. Это объективно консолидировало руководство угледобывающих предприятий, местную и региональную власть в принятии жизненно важных для угольщиков решений.

Положение администраций шахтёрских предприятий было двойственным. С одной стороны, в ходе второго этапа они находились в наихудшем финансово-экономическом положении за всю историю постсоветской России, что заметно снизило возможности удовлетворения экономических претензий трудящихся. С другой – основные требования рабочих, которые в тот момент имели политический характер, были направлены против федеральной власти, что ослабляло конфликтность между ними и администрацией угледобывающих предприятий. Последние оказались в ещё более зависимом от экономической политики Правительства РФ положении, чем раньше. Данная ситуация вынуждала руководителей предприятий чаще использовать нестандартные решения экономических проблем, показывать личный пример и т.п. Важную роль в этом играли регулярные встречи руководства и трудовых коллективов, где обсуждались злободневные вопросы производства и погашения задолженности по зарплатам. Открытый диалог способствовал выработке взаимоприемлемых компромиссов, предоставлял кредит доверия администрации.

Рост протестного движения шахтёров весной 1998 г. определил дальнейшее сближение усилий федеральной, региональной и местной власти в решении социально-экономических проблем углепромышленных регионов. Все свои действия Кремль стал согласовывать с региональным руководством и через него выстраивать стратегию и тактику противодействия борьбе рабочих. Укрепление в ходе второго этапа места и роли федеральных и региональных органов власти в решении проблем угольной промышленности повысило в то время значимость муниципалитетов и администраций угледобывающих предприятий, которые регулярно информировали вышестоящие инстанции о настроениях в трудовых коллективах и следовали инструкциям сверху.

Наибольшее воздействие на позицию Кремля оказали «рельсовые войны», когда возникла реальная угроза гражданской войны. Для решения вопросов

развития угольной промышленности стали оперативно привлекаться внутренние и внешние возможности, повышалась ответственность должностных лиц, создавались новые вспомогательные структуры и т.д. Но главное – власть стала оперативно реагировать на требования протестующих горняков, в том числе и тех, которые работали в частных компаниях, хотя их проблемы, по сути, не имели прямого отношения к деятельности органов государственной власти и управления.

Всероссийские «рельсовые войны» способствовали укреплению прямого политического диалога между властью и шахтёрами. Для всех были очевидны угрозы безопасности железнодорожного движения, возможных провокаций, использования силы и т.д. Первыми, кто отреагировал на масштабную акцию протеста горняков в мае, были руководители предприятий, местные и региональные администрации. Их самой важной заслугой стало непосредственное участие в предотвращении кровопролития, например, в Инте, Анжеро-Судженске, Шахтах и других наиболее напряженных очагах «рельсовых войн». Представители муниципалитетов работали в круглосуточном режиме, делая всё для прекращения акций протеста, – встречались с забастовочными штабами, решали с руководителями акций протеста организационные вопросы, искали способы решения проблем и т.д. [6. С. 359]. Предпринимались различные меры по урегулированию конфликтных ситуаций. В первую очередь представители органов власти и управления пытались убедить шахтёров в неправомерности и чреватости последствий радикальной акции. В некоторых регионах, например Челябинской области, местная власть сумела сама договориться с протестующими шахтёрами без привлечения правительственных комиссий [7]. Однако такие успехи были в большей мере связаны не с уникальными способностями областной администрации, а с более низким градусом протестной активности трудящихся и пенсионеров данного региона.

Главным посредником между пикетчиками и Кремлём в мае стала региональная власть. В тот критический для страны момент региональные лидеры проявили смелость и решительность, взяв на себя ответственность за разблокирование железнодорожных магистралей и обеспечение их безопасности. Особенно заметны тогда были действия губернатора Кемеровской области, по распоряжению которого 20 мая в крае было объявлено чрезвычайное положение. Благодаря этому кузбасские предприятия сохранили рабочий ритм, а населённые пункты – общественно-политическую стабильность [8]. Б. Ельцин открыто поддержал смелые и эффективные действия не только А. Тулеева, но и других руководителей регионов.

Реакция Кремля на требования трудящихся во время всероссийской «рельсовой войны» в мае 1998 г. имела неоднозначный характер. В целом Президент сохранял дистанцию с недовольными горняками, показывая неприемлемость с его стороны политических уступок. Однако это не означало недооценку им необычайно массовой акции протеста. Б. Ельцин умело перевёл развитие конфликта в формат взаимоот-

ношений пикетчиков и правительства, акцентируя внимание на социально-экономических требованиях шахтёров. Для урегулирования конфликтов на территориях довольно быстро были созданы представительные правительственные комиссии во главе с вице-премьерами. Их члены шли на небывалые уступки, порой превышая свои полномочия, а в некоторых случаях соглашались даже на подмену закона нормами морали. Это позволило создать атмосферу высокой заинтересованности президента и правительства в решении проблем угольной промышленности.

В самый сложный момент противостояния Б. Ельцин демонстративно показал личную заинтересованность в решении шахтёрских вопросов. Это произошло 25 мая на Совете безопасности России, где было принято решение о разработке новой государственной программы, направленной на кардинальную стабилизацию обстановки в угледобывающих регионах [9. С. 4]. Таким образом, власть признала справедливость шахтёрских требований и показала готовность идти на серьёзные уступки. Это снизило напор протестного движения и позволило акцентировать внимание горняков на социально-экономических требованиях.

В дальнейшем каждые десять дней для решения целого комплекса вопросов угольной отрасли страны в Москве собиралось специальное совещание под председательством вице-преьера Правительства РФ Б. Немцова [10]. Данные совещания проводились не только в столице, но и непосредственно на шахтёрских территориях. На заседаниях МВК анализировался ход выполнения «рельсовых» протоколов, рассматривались многие вопросы выхода угольной отрасли из кризиса, принимались конкретные решения. В центре внимания данной комиссии были проблемы социального характера, что стимулировало развитие политического диалога с рабочими.

В мае активными участниками переговорного процесса стали отраслевые профсоюзы, прежде всего Росуглепроф. Профсоюзные организации занимались поиском наиболее выгодного для угольной отрасли компромисса между рабочими и Кремлём. Рабочим они обещали скорое поступление денег и защиту от судебного преследования, а правительству гарантировали, что не станут заключать коалиции с коммунистами, ставить вопрос об изменении государственного строя и о национализации угольных предприятий [11. С. 89].

Очень часто диалог органов власти и управления с шахтёрами сопровождался использованием популистских методов воздействия. На втором этапе они приобрели особую значимость, так как каждая сторона пыталась показать себя не виновной в шахтёрских проблемах. Руководители шахт и разрезов часто убеждали рабочих в необходимости потерпеть, немного подождать и т.п., переводя агрессию в адрес российского правительства. Порой им это удавалось, тем самым сохранялся рабочий ритм предприятий. Весной 1998 г. это сделать было сложнее, а в моменты таких острых противостояний, как, например, в мае шахтёры уже не верили большей части руководителей шахт и разрезов. Тогда популистские меры воздействия – обещания и уговоры – стал активно ис-

пользовать Кремль. В мае члены правительственных комиссий не скупались на обещания по быстрому возврату долгов по зарплате, широкой материальной помощи как непосредственно рабочим, так и шахтёрским городам и посёлкам. Они ставили свои подписи под требованием отставки президента РФ и т.д. Правительственные комиссии не пугала подготовка заведомо невыполнимых документов, важнее было достижение главной цели – открытие магистрали. О дальнейшей судьбе протоколов они особо не задумывались, надеясь на скорое решение проблем, и их надежды, в общем, оправдались.

По мере снижения протестной активности горняков потребность в популизме уменьшалась. Вместе с тем примеры популистского поведения представителей органов власти и управления встречались в дальнейшем. На фоне конкретных положительных результатов в решении важнейших вопросов угольщиков новые обещания выглядели ещё убедительнее.

Важным направлением снижения напряжённости стала борьба с экономическими преступлениями, которая прежде велась недостаточно эффективно. Ситуация существенно изменилась во время «рельсовых войн». Активизировались действия по упрочению правопорядка, ликвидации возможных вариантов повторения масштабных акций протеста. Ключевую роль в этом стала играть прокуратура, которая контролировала наиболее уязвимые вопросы деятельности шахт и разрезов: соблюдение законодательства о труде, целевое использование финансовых средств, ценообразование при продаже угля посредникам, коррупция среди руководителей, исполнение решений судов о выплате зарплаты и др. [12. Л. 1]. Заметно увеличилось количество административных и уголовных дел, имевших прямое отношение к деятельности угледобывающих предприятий.

В ходе второго этапа расширился спектр мер дезорганизации шахтёрского движения. Почти все они были усовершенствованы. Особую важность на втором этапе приобрели методы оперативного срыва начинающихся акций протеста. Органы власти и управления создавали рабочим дополнительные трудности, вводили в заблуждение, отказывали в использовании инфраструктурных объектов, манипулировали транспортом и т.п. Если до всероссийских «рельсовых войн» это удавалось в наибольшей мере руководителям предприятий, то в мае–июле 1998 г. подобную практику чаще использовали региональные и федеральные органы исполнительной власти.

Неотъемлемыми элементами дезорганизации являлись дезинформация шахтёров и информационный прессинг. Мощным идеологическим ресурсом в нейтрализации шахтёрской борьбы являлись некоторые центральные СМИ («Российская газета», «Известия» и др.), реже – региональные. Они замалчивали борьбу горняков либо давали неполноценные сведения, даже искажали картину происходящего [13. Л. 3]. В обществе широко насаждалась идеология революционного страха и коммунистического реванша.

Там, где лучше всего удавалось дезорганизовать протестное движение, органы власти и управления

чаще использовали против рабочих давление и силу. Использовать силу в момент подъёма протестного движения было опасно, поэтому в действиях органов власти и управления доминировали методы морально-психологического давления – убеждения, создание негативного образа протестующих в глазах обществу, финансовый шантаж, демонстрация силы и угрозы. Шахтёров убеждали в неэффективности предпринимаемых действий, предупреждали о возможности их втягивания «в политическую борьбу» и т.п. Использовать давление в мае–июле было весьма рискованно, так как это могло вызвать обратный эффект и объединить рабочих угледобывающих предприятий с трудящимися других отраслей.

В мае 1998 г. на волне укрепления шахтёрской солидарности использовать административный ресурс стало сложнее. Инициатива противостояния активным методам борьбы горняков перешла в руки правоохранительных органов. Особое внимание уделялось «зачинщикам», их действия фиксировались фото- и видеокameraми [14]. Для большей «убедительности» и надёжности в «горячие точки» перебрасывали спецподразделения милиции из других населённых пунктов.

Федеральный центр осуществлял давление на горняков и через региональные органы власти. С мая 1998 г. одним из ключевых критериев оказания финансовой помощи регионам со стороны правительства РФ стало условие общественно-политической стабильности, прекращение любых протестных действий [15]. Поэтому региональная и местная власть стала проявлять больше политической лояльности к Кремлю, доказывать шахтёрам невозможность реализации политических требований и т.д.

С первых дней всероссийской акции протеста на рельсах Кремль не скрывал своей готовности привлечения к ответственности её участников [16]. Всё-таки решительные меры в отношении «зачинщиков» предпринимались в моменты ослабления протестного натиска. Наиболее действенным способом борьбы с пикетчиками стало уголовное преследование их лидеров. Первое уголовное дело по факту перекрытия железнодорожной магистрали было возбуждено 18 мая Воркутинской транспортной прокуратурой [17. Л. 14]. Однако в других шахтёрских городах и регионах прокуратуры не спешили возбуждать подобные уголовные дела, стараясь не нарушать хрупкую общественно-политическую стабильность. Если и приглашали участников пикетов, то только для дачи свидетельских показаний [18].

Во второй половине мая обеспокоенные размахом протестного движения, президент и Правительство РФ выдержали паузу и не поднимали этот вопрос. Мало того, во время подписания протоколов с забастовщиками члены правительственных комиссий даже гарантировали им уголовную неприкосновенность [19]. В июне–июле уровень шахтёрской солидарности снизился. На этом фоне в июле по телевидению было озвучено устное распоряжение президента РФ генеральному прокурору о необходимости привлечения к уголовной ответственности инициаторов «рельсовой войны» [20. Л. 17]. Началось массовое преследование

шахтёрских лидеров, несмотря на данные ранее правительственные гарантии.

Таким образом, меры политического противодействия протестному движению шахтёров во многом стали вынужденной альтернативой целенаправленной социально-экономической политики по выводу из кризиса шахтёрских городов и посёлков. Органы власти и управления успевали купировать недовольство рабочих, однако без реальных мер по улучшению их жизни ситуация в угледобывающих регионах оставалась зыбкой.

На втором этапе экономическая и социальная деятельность приобрела ещё большую значимость в нейтрализации шахтёрской борьбы, так как авторитет органов власти и управления продолжал снижаться. Только реальные дела могли поддержать регулярные заявления президента и правительства о необходимости решения жизненно важных проблем углепромышленных территорий. Положительные изменения в жизни горняков к лучшему Кремль связывал с продолжением либерализации отношений в области угольной промышленности, повышением её рыночной эффективности. Однако в начале второго этапа заметных дел со стороны правительства в реформировании стратегически важной отрасли не наблюдалось. Мало того, небывалых масштабов достигли задержки выплаты заработной платы. По-прежнему решением этого жизненно важного вопроса никто целенаправленно не занимался. В итоге работникам угольной промышленности и руководителям шахтёрских территорий пришлось в ещё большей мере самостоятельно решать эти проблемы.

Руководители шахт и разрезов были вынуждены внимательнее относиться к проблемам рабочих, быстрее осваивать законы рынка, заниматься повышением рентабельности производства и т.д. С их стороны чаще использовались жёсткие методы в отношении потребителей продукции, посреднических организаций, нарушителей трудовой дисциплины, а также оказывалось большое внимание модернизации оборудования и т.д. На отдельных угледобывающих предприятиях страны даже наблюдался рост технико-экономических показателей.

В силу своих возможностей найти выход из кризиса шахтам и разрезам помогали местные и региональные органы власти, а также отраслевые профсоюзы. Они контролировали выполнение социально-экономических обязательств, взятых на себя Кабинетом министров, уделяли больше внимания развитию предпринимательства, обеспечивали повышение сбора налогов в бюджет, искали новые формы поддержки малоимущих семей и др.

Всё-таки ключевой проблемой, на решение которой были брошены все силы органов власти и управления, являлось сокращение задолженности по зарплате. В мае правительству пришлось признать прямую ответственность за многомесячные задержки «кровно заработанных». Для решения этой проблемы были оперативно задействованы внутренние и внешние источники. Использование последних порой шло вразрез с международными обязательствами России,

но на это не обращалось внимание. Хотя и не в полном объеме, деньги на погашение задолженности по зарплате всё же шли. Причем их поток постепенно увеличивался и, что было немаловажно, имел «живое» содержание.

Таким образом, социально-экономическая деятельность на втором этапе приобрела более согласованный и комплексный характер. Однако продолжавшееся ухудшение финансово-экономического положения в стране могло в любой момент обострить кризис в угольной промышленности. Это требовало сохранения достигнутых в мае–июле высоких темпов решения актуальных проблем угольщиков.

В целом противодействие протестному движению шахтёров в течение второго этапа являлось более активным и сбалансированным. Ключевым фактором укрепления стабильности в углепромышленных регионах стали конкретные меры по решению экономических и социальных проблем шахтёров.

На третьем этапе (август 1998 – 1999 г.) наблюдался спад протестного движения шахтёров. Обстановка в углепромышленных городах и посёлках хоть и улучшилась, но продолжала оставаться беспокойной. Поэтому действия ключевых контрагентов шахтёрских протестов не теряли своей актуальности и требовали использования новых, системных подходов в решении проблем угольной промышленности. Финансово-экономический кризис, развернувшийся летом 1998 г., в совокупности с бюджетным дефицитом выдвинули на первый план политические инструменты противодействия шахтёрскому недовольству.

Использование политического противодействия несколько изменилось в сравнении с предыдущими месяцами. С одной стороны, оно не являлось столь активным, как в первой половине 1998 г., с другой – его методы приобрели более смелый и разнонаправленный характер. Особенности политического противодействия на третьем этапе являлись следующие. Во-первых, снижение роли популизма. Органы власти и управления «устали» давать обещания, а шахтёры всё меньше им верили. Во-вторых, власть вела политический диалог не только и не столько с рабочими, сколько с их законными политическими представителями. Это позволяло изолировать радикально настроенную оппозицию. В-третьих, возросла роль правоохранительных органов в борьбе с экономическими преступлениями, а также в давлении на инициаторов акций протеста шахтёров.

В первые месяцы рассматриваемого этапа доминирующая роль в нейтрализации шахтёрских протестов продолжала оставаться за федеральным центром, который разными способами реализовывал политику компромиссов. Даже там, где использовалось давление, оно было до тех пор, пока власть не чувствовала достаточность подобной меры для установления компромисса и стабильности. На фоне финансово-экономической помощи углепромышленным регионам такой подход встречал поддержку среди многих рабочих, а также их профсоюзов. Политика компромиссов являлась объективным процессом, так как правительство уже не могло поддерживать тот уро-

вень материально-экономической помощи шахтёрским территориям, который обозначился в конце второго этапа. В то же время наблюдалось истощение политико-экономических сил борющихся горняков. Идея консенсуса на основе компромиссов, предложенная Кремлём, стала основой антикризисного механизма в шахтёрских городах и посёлках.

В июле 1998 г. второй этап «рельсовой войны» в Кузбассе закончился. В других углепромышленных регионах массовые и радикальные акции протеста шахтёров не имели такого дестабилизирующего эффекта. Попытки горняков организовать народное давление на Кремль, используя, например, пикет перед Домом правительства, показывали невозможность осуществления данной идеи. Однако многомесячным присутствием «горячей» точки в столице могли воспользоваться леворадикальные партии и движения. Соответственно, перед Б. Ельциным стояли три политические задачи, реализация которых позволяла перевести протестное движение шахтёров в менее опасный формат. Первая и наиболее важная – это изоляция горняков от реальных и потенциальных политических союзников. Вторая – раскол шахтёрского движения изнутри. Третья – повышение степени доверия органам власти и управления со стороны населения углепромышленных территорий.

Из реальных политических союзников шахтёров по-прежнему выделялась компартия РФ, которая активно анализировала опыт и уроки «рельсовых войн» [21. Л. 27] и не оставляла попыток организовать «антинародным» реформам правительства масштабное сопротивление рабочих. Любая крупномасштабная акция протеста в то время могла стать катализатором смены политического режима, поэтому президент внёс существенные коррективы в укрепление общественно-политической стабильности в стране. Он решил на создание коалиционного правительства во главе с Е. Примаковым, человеком популярным в политических и хозяйственных кругах страны. Это решение позитивно восприняли КПРФ и другие оппозиционные общественно-политические партии и движения. Таким образом, Б. Ельцину довольно быстро удалось достичь принципиального компромисса с главной оппозиционной силой страны – компартией РФ.

Решить вторую задачу – расколоть шахтёрское движение изнутри – было легче, чем первую, так как органы власти и управления весьма хорошо в этом преуспели в предыдущие годы. Однако в силу многих особенностей реализовать на практике эту задачу явилось довольно кропотливым делом, так как главная и наиболее организованная сила шахтёров – отраслевые профсоюзы – не так быстро сдавала свои протестные позиции, как хотелось бы власти. Несмотря на некоторые разногласия по вопросу использования форм протестной борьбы внутри самих шахтёрских профсоюзов, они продолжали контролировать пикет перед Домом Правительства РФ и многие другие локальные акции протеста в углепромышленных регионах. Просто покинуть Москву означало для НППР, как организатора столичного пикета, потерять доверие рабочих. Правительство РФ пошло на ряд

важных уступок, которые пикетчики считали достаточными для сворачивания акции. Прекращение пикетирования Дома Правительства РФ за два дня до всероссийской акции протеста профсоюзов седьмого октября 1998 г. указывает не только на достигнутый взаимовыгодный компромисс с Кремлём, но и на обозначившийся серьёзный раскол в отношениях между НПГР и ФНПР.

Сложнее всего Кремлю было решать третью задачу – повышение степени доверия органам власти и управления со стороны населения углепромышленных территорий. Для этого в первую очередь необходимо было снять имевшуюся напряжённость в отношениях. Символическим шагом, показывающим такое намерение, явилось прекращение уголовного преследования «организаторов» транспортных блокад в мае и июле 1998 г. [22]. Данное решение противоречило нормам закона [23], но соответствовало избранной Б. Ельциным и шахтёрскими профсоюзами политике компромиссов.

Для предотвращения массовых и радикальных акций протеста Кремль сконцентрировал свои усилия на создании антикризисного механизма. Его основой стали политико-правовые инструменты устранения социально-экономического недовольства. В 1999 г. усилились меры ответственности руководителей предприятий, изменилась нормативно-правовая база трудового законодательства. Появление уголовной ответственности за задержку заработной платы заметно повысило действенность механизма разрешения трудовых конфликтов.

В общем, политика компромиссов сыграла существенную роль в укреплении общественно-политической стабильности в углепромышленных территориях. В отношении тех, кто её не принял (а их было меньшинство), власть прибегала к альтернативным методам воздействия.

Обратной стороной политики компромиссов стали давление и угрозы на недовольных шахтёров. Их использование было особенно заметно в регионах, общественно-политической обстановкой в которых Кремль был обеспокоен меньше, чем в столице. Федеральный центр не желал идти на серьёзные уступки угледобытчикам, так как в стране было много других актуальных и не менее значимых проблем; требования рабочих противоречили экономической политике Правительства РФ; власть чувствовала настроения общества и в целом контролировала ситуацию.

Одним из критериев начала рассматриваемого этапа можно считать откровенные заявления президента и других высокопоставленных чиновников о необходимости применения силы против участников незаконных акций протеста [24. Л. 78]. Энергичному преследованию подверглись «зачинщики» незаконных форм борьбы. Всё это происходило на фоне судебных разбирательств с участниками «рельсовых войн», в отношении которых работники прокуратуры и следственных органов заняли жёсткую позицию. Благодаря широкому общественному резонансу и избранной президентом политике компромиссов никто из инициаторов железнодорожных блокад не был осужден.

Однако эффект морального подавления шахтёрского недовольства имел место.

Это дополнялось созданием атмосферы необходимости использования правоохранительными органами жёстких действий в отношении радикально настроенных рабочих. Для поддержания психологического давления милиция регулярно занималась «профилактикой» рабочих протестов. Проверку профессиональных навыков в случае перекрытия железнодорожных магистралей она проводила масштабно [25], охотно демонстрируя это с экранов телевизоров.

Давление и угрозы не встретили бурной негативной реакции не только со стороны горняков, но и других социально-профессиональных групп российского общества в том числе и потому, что осуществлялось активное давление органов власти и на работодателей. Это чётко проявилось на региональном уровне, особенно в Кемеровской области [26. С. 103].

Ещё более показательным процессом, ориентированным на повышение уровня доверия к органам власти, явилась репрессивная политика по отношению к тем участникам угольного рынка, которые, по мнению горняков, были ответственны за кризис в отрасли. В противном случае общественно-политическая обстановка в шахтёрских регионах оставалась бы взрывоопасной. Поэтому на третьем этапе была продолжена борьба с экономическими преступлениями, прежде всего, с недобросовестными посредниками и нарушителями трудового законодательства. Чтобы избежать возможных злоупотреблений в экономической сфере, правительство расширило полномочия региональных администраций.

В целом политическая деятельность, направленная на нейтрализацию протестного движения шахтёров, позволила создать эффект близости шахтёров и власти, а также успешнее реализовывать социально-экономическую политику.

Более цельный, конкретный и эффективный характер в деле снижения уровня шахтёрского недовольства приобрела экономическая и социальная деятельность. Сохранение общественно-политической стабильности требовало незамедлительного решения социально-экономических проблем населения, прежде всего рабочих. Первоочередной задачей органов власти и управления в начале третьего этапа по-прежнему являлось сокращение задолженности по зарплате трудящимся угледобывающих предприятий. В первые месяцы рассматриваемого этапа продолжилось выделение дополнительных средств для финансирования отрасли. Это позволило оперативно решить самые острые проблемы с задолженностью, прежде всего в наиболее «горячих точках» угольных бассейнов. Сокращение задолженности по зарплате осуществлялось и благодаря возвращению долгов со стороны посреднических фирм и потребителей продукции, а также повышению эффективности производственной деятельности предприятий.

Однако увеличение объёмов финансирования угледобывающей промышленности не решало коренных проблем рабочих. Отрасль нуждалась в систем-

ном оздоровлении. В силу политических катаклизмов это произошло только осенью 1998 г. Отставка Кабинета министров С. Кириенко после финансового дефолта 17 августа и формирование нового состава правительства в сентябре не позволили фактически до октября выстраивать какую-либо чёткую программу по выходу из кризиса угольной отрасли России.

Новые способы повышения эффективности угледобывающих предприятий и компаний обозначились в экономической политике правительства Е. Примакова. Она реализовывалась в двух основных направлениях: усиление государственного регулирования деятельности угольной промышленности и углубление и расширение рыночных преобразований. Несмотря на определённую противоречивость этих направлений, они в реальности проводились не в ущерб друг другу.

Первое направление знаменует собой начало конца эпохи «дикого капитализма» в угольной промышленности. Главными задачами государственного вмешательства являлись: организация регулируемого рынка сбыта угля, формирование честной конкуренции между предприятиями и компаниями, поддержка смежных отраслей промышленности, создание конкурентных преимуществ российских шахтёров на международном уровне, вытеснение с угольного рынка России иностранных конкурентов.

На региональном уровне усилились контроль финансовых потоков угледобывающих предприятий и соблюдение прав трудящихся. Быстрее, чем другие угольные территории, расширением социально-экономических возможностей воспользовалась администрация Кемеровской области [27. С. 28–29].

На местном уровне наиболее значимым решением стало предоставление органам местного самоуправления шахтёрских городов и посёлков права получения средств на программы местного развития и обеспечение занятости населения [28. С. 29]. Это способствовало снижению нецелевого использования средств господдержки, предназначенных для реструктуризации угольной отрасли.

Было бы сложно добиться успеха в развитии угольной промышленности без государственной поддержки смежных отраслей. Федеральные и региональные органы власти создавали условия для функционирования крупных частных компаний, которые объединяли такие взаимосвязанные отрасли, как угольная, машиностроительная и металлургическая. Данные меры способствовали не только повышению конкурентоспособности угольщиков, но и диверсификации региональных экономик, появлению новых рабочих мест, увеличению налогооблагаемой базы, росту инвестиций и т.д.

Параллельным направлением «нового» экономического курса правительства Е. Примакова стала интенсификация либеральных преобразований, устранение преград на их пути. Это выразилось в дальнейшей приватизации шахт и разрезов, корректировке законодательства, стимулировании роста эффективности производства и др. Благодаря данным мерам в отрасль пошли инвестиции, снизились издержки добычи угля, укреплялись межотраслевые связи и т.д., а в общем,

повышалась конкурентоспособность угольной промышленности. В 1999 г. приватизированные предприятия стали демонстрировать лучшую динамику развития в сравнении с государственными [29. С. 135], что подчёркивало правильность избранного пути.

Таким образом, государство динамично снимало с себя финансовую нагрузку, формировало эффективного собственника и уходило от ответственности за результаты производственной деятельности. Соответственно, устранялись причины, ориентировавшие шахтёрское недовольство в сторону российского правительства.

Положительная динамика доходной части федерального бюджета позволила продолжить погашение долгов перед горняками и заниматься реальным реформированием отрасли. В 1999 г. общий объём средств на господдержку угольной промышленности по сравнению с 1998 г. увеличился с 5,250 до 12 млрд руб. [30. С. 4]. Повышение экономической эффективности предприятий, рост угледобычи, снижение себестоимости продукции и т.д. стимулировали в 1999 г. повышение зарплат рабочим и рост уровня жизни населения шахтёрских территорий [31. С. 33].

Важной особенностью третьего этапа стала реализация ответственной социальной политики в шахтёрских городах и посёлках, что чётко обозначилось в 1999 г. С того года было увеличено финансирование из федерального бюджета мероприятий по социальной защите работников, высвобождаемых в ходе реструктуризации угольной отрасли, при одновременном усилении государственного контроля целевого использования этих средств; более чёткие и конкретные формы и содержание приобрело социальное партнёрство товаропроизводителей, профсоюзов, государства и местных органов власти в решении социальных проблем реструктуризации угольной отрасли и обеспечении жизнедеятельности в углепромышленных муниципальных образованиях; были введены более действенные механизмы профсоюзного контроля соблюдения законодательства о труде и об охране труда и т.д. [32. С. 77].

Сложнее всего решалась проблема безработицы высвобождаемых шахтёров. С ней боролись тремя способами. Первый – рабочих закрываемых шахт и разрезов переводили трудиться на другие (новые или более рентабельные) угледобывающие предприятия. Второй – им предлагали работу на предприятиях и организациях других отраслей хозяйства, например в дорожном строительстве. Третьим и наиболее значимым способом ликвидации безработицы являлось вовлечение горняков в предпринимательскую деятельность.

Начиная с сентября 1998 г. важнейшим направлением социальной политики Правительства России стало возобновление решения такой важной проблемы, как переселение шахтёрских семей из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей. Количество шахтёрских семей, переехавших в центральные районы страны, увеличилось с 51 в 1998 г. до 857 в 1999 г. [33. С. 64–65], т.е. почти в 17 раз.

Таким образом, социально-экономическая деятельность органов власти и управления в противодей-

ствии протестному движению шахтёров России на третьем этапе заметно возросла как в количественном, так и качественном измерении. Она приобрела открытый, системный и перспективный характер. Шахтёрское сообщество восприняло её как вполне достаточную для достижения консенсуса со своими основными контрагентами. Укрепление социальной стабильности, в свою очередь, положительно отразилось на решении актуальных экономических задач угледобытчиков.

В целом антикризисная деятельность органов власти и управления, а также общественно-политических организаций оказалась сильнее протестного движения шахтёров, несмотря на небывалое в истории России противостояние. Эти действия были тесно взаимосвязаны и в целом отвечали общим интересам, так как позволили смягчить наиболее сложные социально-экономические проблемы и противоречия, сохранить стабильность и либерально-демократический путь развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов Р.И. Деформация классовых свойств у российских рабочих в конце XX – начале XXI столетия // Вестник РГГУ. 2007. № 2–3/07.
2. Письмо прокурора Приморского края В.В. Василенко территориальному комитету профсоюза АО «Приморскуголь», 14.12.1995 г. // Государственный архив Приморского края (далее – ГАПК). Ф. Р-1707. Оп. 1. Д. 163.
3. Борисов В.А. Забастовки в угольной промышленности (анализ шахтёрского движения за 1989–99 гг.). М., 2001.
4. Будько В.И. Современное положение и основные задачи Российского независимого профсоюза угольщиков в условиях реструктуризации угольной промышленности // Российский независимый профсоюз угольщиков – организованные действия в условиях реструктуризации угольной промышленности. М., 1996.
5. Борисов В., Бурнышев К. Кузбасс: перед большим огнем // ЭКО. 1997. № 9.
6. Малофеевская Л.Н. Город на большой Инте. Сыктывкар, 2004.
7. Вадимов А., Гончарова Т. Невменяемые и безответственные, берегитесь: Борис Ефимович едет! // Южноуральская панорама (Челябинск). 1999. 29 апр.
8. Striking miners force state of emergency in Kemerovo: BBC News Online. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/low/europe/97296.stm> свободный (дата обращения: 25.12.2015 г.).
9. Синявский Б. Навечно замороженные // Известия. 1998. 27 мая.
10. Политическая нестабильность в Республике Коми нанесет удар по ее экономике // Искра. 1998. 9 июня.
11. Поцелуев С.П. Ритуализация конфликта (По материалам «рельсовой войны» 1998 г.) // Полис. 2004. № 3.
12. Прокурорам субъектов РФ, транспортным прокурорам задание «Об организации проверок исполнения законодательства в деятельности предприятий угледобывающих регионов» (01.06.1998 г.) // ГАПК. Ф.-533. Оп. 2. Д. 176.
13. Протокол № 20 заседания Президиума Прокопьевского теркома углепрофсоюза, 15.01.1998 г. // Архивный отдел администрации г. Прокопьевска. Ф. 31. Оп. 1. Д. 338.
14. Попок В. Стояние на Транссибе // Кузбасс. 1998. 21 мая.
15. Житинев С. Шахтеры плюс деньги – конец забастовке // Вечерний Челябинск. 1998. 24 авг.
16. Головенко А. Нина Останина: «Угрожая шахтерам, власть играет с огнем» // Заполярье (Воркута). 1998. 15 мая.
17. Письмо прокурора г. Инты И.М. Астарханова заместителю прокурора Республики Коми Рыжову Н.И. // Национальный архив Республики Коми. Ф. Р-1307. Оп. 1. Д. 1878.
18. Литвинов Ю. «Трясут» «Ростовуголь» // Молот (г. Ростов-на-Дону). 1998. 28 мая.
19. Протокол заседания рабочей группы по рассмотрению требований, выдвинутых трудящимися и жителями города Анжеро-Судженска (23.05.98 г.) // Текущий архив муниципального учреждения культуры «Городской краеведческий музей» г. Анжеро-Судженска.
20. Государственный архив Кемеровской области. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 88.
21. Постановление Президиума Ростовского областного комитета КПРФ, г. Ростов-на-Дону, 30.05.1998 г. // Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. Р-3703. Оп. 1. Д. 33.
22. Участники блокады прощены // Парламентская газета (Москва). 1999. 10 февр.
23. Морозова Е. Суд Кемеровской области оставил без удовлетворения заявления прокурора области о признании недействительным пункта в «Согласительном протоколе» об уголовном преследовании участников «рельсовой войны» // Сибирский курьер (Новосибирск). 1998. 19 окт.
24. Протокол № 15 заседания Президиума Ростовского обкома КПРФ, г. Ростов-на-Дону, 29 августа 1998 г. // ЦДНИРО. Ф. Р-3703. Оп. 1. Д. 33.
25. Учения на железной дороге // Шахтёрская правда (Прокопьевск). 1999. 18 мая.
26. Плотникова Е. Отраслевые профсоюзы: практика колдоговорной работы // Профсоюзы России: организация или пространство? / под ред. В. Борисова, С. Кларка. М., 2004.
27. Heiko Pleines. Der politische Einfluss der Kohlelobbies in Polen, Russland und der Ukraine. Eine vergleichende Politikfeldanalyse. Arbeitspapiere und Materialien – Forschungsstelle Osteuropa, Bremen. 2006. Nr. 80.
28. Ротин В.Г., Черни А.В. Роль ассоциации шахтёрских городов в решении социальных проблем угольных муниципалитетов // Уголь. 2001. № 3.
29. Кожуховский И.С. Реструктуризация угольной промышленности России : дис. ... канд. экон. наук. М., 2003.
30. Саламатин А.Г. О ходе реструктуризации угольной промышленности и перспективах ее развития в условиях рыночной экономики // Уголь. 1999. № 12.
31. Кондратьева Е.В. Новые реалии функционирования отрасли и социальные проблемы угольных предприятий на примере Кузбасса // Уголь. 2003. № 5.
32. Пяткин А.М. Социальная напряженность в углепромышленных регионах: социальный феномен, реальность и перспектива // Уголь. 2005. № 9.
33. Сборник основных статистических данных о деятельности Федерального государственного учреждения «Соцуголь» за период 1998–2010 годы. М., 2010.

Статья представлена научной редакцией «История» 30 декабря 2015 г.

PRINCIPAL DIRECTIONS TO CONTROL PROTEST CAMPAIGNS OF RUSSIAN MINERS IN 1992–1999

Tomsk State University Journal, 2016, 402, 117–130. DOI: 10.17223/15617793/402/16

Solovenko Igor S. Yurga Institute of Technology (Branch) of Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: solovenko71@mail.ru

Keywords: Russia; miners; protests; counteraction.

Principal directions to counteract miners' dissatisfaction involved political response, social and economic activities. They were different as the struggle evolved. The first stage (1992–1997) was distinguished by intensifying miners' protest campaigns. The core way to counteract them was mainly a political opposition based on populism, political dialog, disorganizing, moral and psychological pressure and force. At the beginning of the period in question, populism prevailed, then political dialog and disorganizing were used more frequently. Pressure and force were hardly fallen back on. Economic and social activity comprised three key spheres: developing conditions to support the branch on the macroeconomic level; search for internal reserves by management of companies and enterprises, and diverse assistance by regional and local authorities. In general, measures taken to overcome miners' protests in 1992–1997 were notable for strong conflict intensity. The second stage (January – July 1998) was a peak point of miners' protest campaigns in Russia. Political counteraction to miners' struggle was distinguished by major breakthroughs: control over economic crime got stronger; the authorities used disorganizing, moral and psychological pressure and force as methods to withstand protest campaigns more often. Economic and social activities gained in importance. Internal and external resources were widely applied to cut arrears of wages. To sum up, control over miners' protest campaigns over the second period was more active and balanced. Decline of protest campaigns was typical for the third stage (August 1998–1999). Special features of protest campaigns of this stage were as follows: populism was not as important as before, political discussions were carried out not with workers but with their legal political representatives, activities of low-enforcement agencies were intensified to control economic crimes. Social and economic activities of the government agencies supported actual reforms of the mining industry and debt repayments to workers. Generally speaking, anti-crisis activity of government agencies and authorities, as well as political organizations was more significant than miners' protest campaigns. It could resolve the most significant social and economic problems and contradictions, keep stability and liberal-democratic way of development.

REFERENCES

1. Anisimov, R.I. (2007) Deformatsiya klassovykh svoystv u rossiyskikh rabochikh v kontse XX – nachale XXI stoletiya [The deformation of the class properties of Russian workers at the end of the 20th – beginning of the 21st centuries]. *Vestnik RGGU*. 2–3/07.
2. Pis'mo prokurora Primorskogo kraja V.V. Vasilenko territorial'nomu komitetu profsoyuza AO "Primorskugol", 14.12.1995 g. [Letter from public prosecutor of Primorsky Krai V. Vasilenko to the territorial committee of trade union of "Primorskugol" of 14.12.1995]. State Archive of Primorsky Krai (GAPK). Fund R-1707. List 1. File 163.
3. Borisov, V.A. (2001) *Zabastovki v ugol'noy promyshlennosti (analiz shakhterskogo dvizheniya za 1989–99 gg.)* [Strikes in the coal industry (analysis of the miners' movement of 1989–99)]. Moscow: ISITO.
4. Bud'ko, V.I. (1996) Sovremennoe polozhenie i osnovnye zadachi Rossiyskogo nezavisimogo profsoyuza ugol'shchikov v usloviyakh restrukturi-zatsii ugol'noy promyshlennosti [The current situation and the main tasks of the Russian independent trade union of coal miners in coal industry restructuring]. In: Mokhnachuk, I.I. (ed.) *Rossiyskiy nezavisimyy profsoyuz ugol'shchikov – organizovannye deystviya v usloviyakh restrukturi-zatsii ugol'noy promyshlennosti* [Russian independent trade union of coal miners – organized action in the restructuring of the coal industry]. Moscow: Rosugleprofsoyuz.
5. Borisov, V. & Burnyshev, K. (1997) Kuzbass: pered bol'shim ognem [Kuzbass: before a large fire]. *EKO*. 9.
6. Malofeevskaya, L.N. (2004) *Gorod na bol'shoy Inte* [City on the big Inta]. Syktyvkar: Komi respublikanskaya tipografiya.
7. Vadimov, A. & Goncharova, T. (1999) Nevmenyaemye i bezotvetstvennye, beregites': Boris Efimovich edet! [Insane and irresponsible, beware: Boris Efimovich is coming!]. *Yuzhnoural'skaya panorama*. 29 April.
8. BBC News Online. (1998) Striking miners force state of emergency in Kemerovo: [Online]. Available from: <http://news.bbc.co.uk/2/low/europe/97296.stm>. (Accessed: 25 December 2015).
9. Sinyavskiy, B. (1998) Navechno zamorozhennye [Forever frozen]. *Izvestiya*. 27 May.
10. Anon. (1998) Politicheskaya nestabil'nost' v Respublike Komi naneset udar po ee ekonomike [The political instability in the Republic of Komi will blow its economy]. *Iskra*. 9 June.
11. Potseluev, S.P. (2004) Ritualizatsiya konflikta (Po materialam "rel'sovoy voyny" 1998 g.) [Ritualization of conflict (On the "rail war" of 1998)]. *Polis*. 3.
12. Prokuroram sub'ektov RF, transportnym prokuroram zadanie "Ob organizatsii proverok ispolneniya zakonodatel'stva v deyatel'nosti predpriyatiy ugledobyvayushchikh regionov" (01.06.1998 g.) [To prosecutors of subjects of the Russian Federation and transport prosecutors: a task "On the organization of checks of the implementation of legislation in the activity of enterprises of coal-mining regions" (01.06.1998)]. State Archive of Primorsky Krai (GAPK). Fund 533. List 2. File 176.
13. Protokol № 20 zasedaniya prezidiuma Prokop'evskogo terkoma ugleprofsoyuza, 15.01.1998 g. [Minutes No. 20 of the meeting of the Presidium of the Prokopyevsk territorial committee of the trade union of coal miners, 15.01.1998]. Archival Department of the Administration of Prokop'yevsk. Fund 31. List 1. File 338.
14. Popok, V. (1998) Stoyanie na Transsibe [Standing at Transsib]. *Kuzbass*. 21 May.
15. Zhitinev, S. (1998) Shakhtery plyus den'gi – konets zabastovke [Miners plus money: the end of the strike]. *Vecherniy Chelyabinsk*. 24 August.
16. Golovenko, A. (1998) Nina Ostanina: "Ugrozhaya shakhteram, vlast' igraet s ognem" [Nina Ostanina "Threatening the miners, the government is playing with fire"]. *Zapolyar'e*. 15 May.
17. Pis'mo prokurora g. Inty I.M. Astarkhanova zamestitelyu prokurora Respubliki Komi Ryzhovu N.I. [Letter from Public Prosecutor of Inta I.M. Astarhanova to Deputy Prosecutor of the Republic of Komi N.I. Ryzhov]. National Archive of the Republic of Komi. Fund R-1307. List 1. File 1878.
18. Litvinov, Yu. (1998) "Tryasut" "Rostovugol" ["Shaking" "Rostovugol"]. *Molot*. 28 May.
19. Protokol zasedaniya rabochey gruppy po rassmotreniyu trebovaniy, vydvinyutkh trudyashchimisya i zhitelyami goroda Anzhero-Sudzhenska (23.05.98 g.) [Minutes of the meeting of the working group to address the demands made by the workers and residents of Anzhero-Sudzhensk (23.05.1998)]. Current Archive of the Municipal Cultural Institution City History Museum of Anzhero-Sudzhensk.
20. State Archive of Kemerovo Oblast. Fund 1311. List 1. File 88.
21. Postanovlenie Prezidiuma Rostovskogo oblastnogo komiteta KPRF, g. Rostov-na-Donu, 30.05.1998 g. [Resolution of the Presidium of the Rostov Regional Committee of the Communist Party, Rostov-on-Don, 30.05.1998]. Documentation Centre of the Modern History of Rostov Oblast (TsDNIRO). Fund R-3703. List 1. File 33.

22. Anon. (1999) Uchastniki blokady proshcheny [The blockade participants forgiven]. *Parlamentskaya gazeta*. 10 February.
23. Morozova, E. (1998) Sud Kemerovskoy oblasti ostavil bez udovletvoreniya zayavleniya prokurora oblasti o priznanii nedeystvitel'nym punkta v "Soglasitel'nom protokole" ob ugovornom nepresledovanii uchastnikov "rel'sovoy voyny" [Kemerovo Oblast Court dismissed the prosecutor's application for annulment of the point in the Conciliation Protocol of non-prosecution of the criminal participants of the "rail war"]. *Sibirskiy kur'er*. 19 October.
24. Protokol № 15 zasedaniya Prezidiuma Rostovskogo obkoma KPRF, g. Rostov-na-Donu, 29 avgusta 1998 g. [Minutes No. 15 of the meeting of the Presidium of the Rostov Regional Committee of the Communist Party, Rostov-on-Don, August 29, 1998]. Documentation Centre of the Modern History of Rostov Oblast (TsDNIRO). Fund R-3703. List 1. File 33.
25. Anon. (1999) Ucheniya na zheleznoy doroze [Exercising at the railway]. *Shakhterskaya pravda*. 18 May.
26. Plotnikova, E. (2004) Otrasleyve profsoyuzy: praktika koldogovornoy raboty [Branch trade unions: the practice of collective contract works]. In: Borisov, V. & Klark, S. (eds) *Profsoyuzy Rossii: organizatsiya ili prostranstvo?* [Trade Unions of Russia: organization or space?]. Moscow: IISTO.
27. Heiko Pleines. (2006) Der politische Einfluss der Kohlelobbies in Polen, Russland und der Ukraine. Eine vergleichende Politikfeldanalyse [The political influence of coal lobbies in Poland, Russia and Ukraine: comparative policy studies]. *Arbeitspapiere und Materialien – Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen*. 80.
28. Rotin, V.G. & Cherni, A.V. (2001) Rol' assotsiatsii shakhterskikh gorodov v reshenii sotsial'nykh problem ugol'nykh munitsipalitetov [The role of the Association of mining towns in solving social problems of coal municipalities]. *Ugol'*. 3.
29. Kozhukhovskiy, I.S. (2003) *Restrukturizatsiya ugol'noy promyshlennosti Rossii* [The restructuring of the coal industry of Russia]. Economics Cand. Diss. Moscow.
30. Salamatin, A.G. (1999) O khode restrukturizatsii ugol'noy promyshlennosti i perspektivakh ee razvitiya v usloviyakh rynochnoy ekonomiki [On the progress of restructuring of the coal industry and its development prospects in a market economy]. *Ugol'*. 12.
31. Kondrat'eva, E.V. (2003) Novye realii funktsionirovaniya otrasli i sotsial'nye problemy ugol'nykh predpriyatiy na primere Kuzbassa [The new realities of the functioning of the industry and the social problems of the coal enterprises on an example of Kuzbass]. *Ugol'*. 5.
32. Pyatkin, A.M. (2005) Sotsial'naya napryazhennost' v uglepromyshlennykh regionakh: sotsial'nyy fenomen, real'nost' i perspektiva [Social tensions in the coal-mining regions: a social phenomenon, reality and prospects]. *Ugol'*. 9.
33. Anon. (2010) *Sbornik osnovnykh statisticheskikh dannykh o deyatel'nosti Federal'nogo gosudarstvennogo uchrezhdeniya "Sotsugol'" za period 1998–2010 gody* [Collection of basic statistics on the activities of the Federal State Institution "Sotsugol'" for 1998–2010]. Moscow.

Received: 30 December 2015